

Городничий города Велижа и военный комендант города Витебска

В.К. Малиновский

В мае 1823 г. возникло и в январе 1835 г. завершилось Велижское дело, одно из наиболее известных в Российской империи обвинений евреев в ритуальных убийствах. Оно длилось 12 лет; обвинения были сняты. О причинах возникновения Велижского дела писалось (см. [6]) так:

одни усматривали . . . обычные преследования за веру. Другие воспринимали случившееся как шаг политический, за которым кроются некие непонятные на первый взгляд важные планы правительства. Третьи же были убеждены, что все дело имеет чисто практическую подкладку: просто идет яростная экономическая борьба между¹ евреями и христианами.

В цели настоящей заметки не входит повторение хорошо известных деталей этого дела, поскольку его подробные и документальные описания легко доступны (см., например, [6]), а имена действующих лиц, включая графа Н.С. Мордвинова и составителя “Толкового словаря живого великорусского языка” В.И. Даля, хорошо известны.

Цель статьи — обратить внимание читателя на то, что если “все дело имеет чисто практическую подкладку” и связано с “яростной экономической борьбой” (см. приведенную выше цитату из [6]) между группами жителей города Велижа, а так оно в значительной степени и было, то то, что случилось там в 1823 г., в значительной степени произошло из-за ошибок российской администрации. Работая в несомненно тяжелых условиях, она все же должна была эти события либо предвидеть и предотвратить, либо не дать им развиваться в той степени, как это фактически произошло: “яростная экономическая борьба”, особенно в условиях религиозных различий и конфессиональных противоречий, не начинается в один день и одна из важнейших задач любой администрации — контролировать и регулировать экономическую конкуренцию, не давая ей перерасти в деструктивную.

В этом контексте цель статьи — сообщить читателю, что российская администрация города Велижа, сразу после того, как этот город вошел в состав Российской империи в 1772 г., т.е., работая в не менее сложных условиях, чем в 1823 г., была вполне успешна, поддерживая в течение десятилетий мир между экономически конкурировавшими группами.

---

¹Ниже будет видно, что это противопоставление нуждается в значительном уточнении, поскольку жители Велижа, исповедовавшие христианство, значительно различались по конфессиональной принадлежности. — В.М.

Рис. 1. Город Велиж с высоты птичьего полета.

В этой связи мы вспомним совсем другие, по понятным причинам никогда не произносившиеся историками Велижского дела, имена. Это военный комендант города Витебска² граф Сергей Сергеевич (Эрнст Густав) Миних (1744–1817) и городничий³ города Велижа барон Антон Иванович (Отто Иоганн) Шлиппенбах (1747–после 1807), который на протяжении 14 лет, с 1785 г. по 1798 г., был городничим (не будем стесняться этого звания!) в городе Велиже. Эти два лица не только были связаны профессиональной деятельностью, но и являлись близкими родственниками. Основным содержанием статьи будет ряд архивных документов, которые дадут читателю первичную (а не переработанную историками) информацию.

Город Велиж после 1772 г. Читателю, вероятно, известно, что вошедший с состав Российской империи в 1772 г. город Велиж, получивший в 1776 г. права уездного города, имел тесные торговые связи с Ригой, куда водным путем отправляли лес, льняное семя, пеньку, золу, зерно; именно торговля и ее обеспечение лежали в основе экономики города. Сохранившиеся фотографии (см. Рис. 1–4), хотя и сделанные лет на 100 позднее 1770-х годов, дают ясное представление об уровне достатка его жителей.

Под управлением российской администрации жители Велижа получили ряд льгот, а 21 сентября 1781 г. городу был пожалован герб: двуглавый орел на золотом фоне в верхней части и всадник на бело-красном фоне в нижней. В 1798 г. был утвержден генеральный план развития города, разработанный в Комиссии о каменном строении. Согласно этому плану город имел прямоугольно-прямолинейную структуру. Представление об этом дает Рис. 1, хотя сохранились и точные чертежи. На въездах из Суража и Великих Лук также организовывались прямоугольные площади с церквями и лавками. На территории бывшей крепости предлагалось разместить казенные хлебные и

²О некотором сходстве Велижа и Витебска известно хорошо; читатель, вероятно, сразу вспомнит имя художника Марка Шагала.

³Согласно документам, именно городничий, а не «градоначальник». Это звание — к сожалению — всегда будет вызывать саркастическую ухмылку у всех, кто знает его только по комедии Н.В. Гоголя [2].

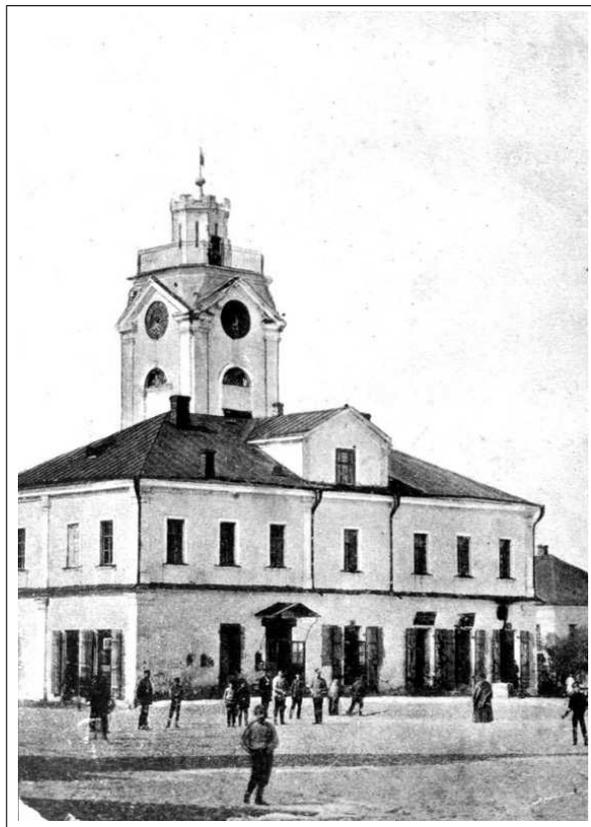

Рис. 2. Ратуша в Велиже.

Рис. 3. Лавки евреев г. Велижа; на заднем плане — Церковь Илии Пророка.

соляные магазины. На левобережной стороне планировалась прямоугольная площадь с присутственными местами (см. Рис. 2) и гостиным двором, к северу от площади был выстроен главный городской собор.

Этот главный собор — кирпичная теплая (т.е., отапливаемая) церковь Илии Пророка (см. Рис. 3), построенная в 1772–1781 гг. как греко-католическая и ориентированная алтарем на север, с двумя высокими парными трехъярусными башнями-колокольнями на южном фасаде и с главкой над алтарным

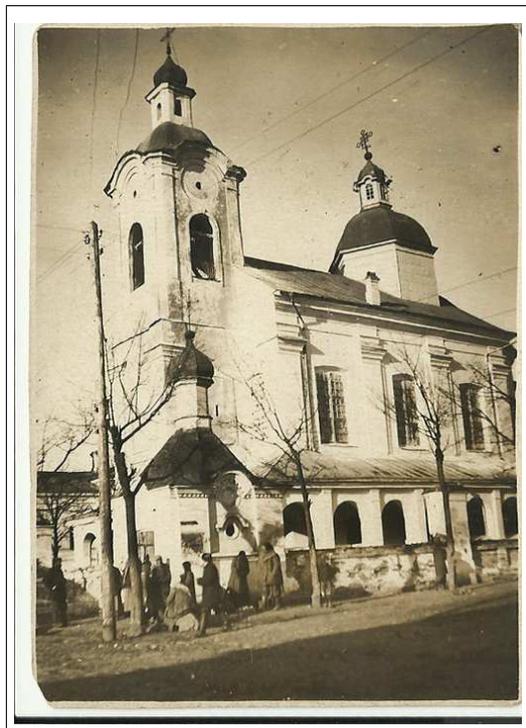

Рис. 4. Церковь Воздвижения Честного Креста Господня.

выступом. Несомненно, это была архитектурная доминанта города. Процитируем в этой связи [6]:

каменная, двуглавая, огромная по величине, незаурядная по архитектуре Ильинская церковь начала строиться в 1772 г., в год перехода города от Польши к России. Это, несомненно, был акт скорее политический, чем религиозный; ему следовало служить противовесом новым влияниям, связанным с отторжением униатов от католицизма, казавшимся неизбежным после перехода населения в новое подданство. В 1780 г. здание было закончено, а в 1781 г. совершено было при многочисленном стечении народа и с необычайной торжественностью освящение церкви известным полоцким униатским архиепископом.

Ильинская церковь после Полоцкой унии 1839 г. стала православной. В 1931 г. она была закрыта и приспособлена под тракторные мастерские. В 1942–1943 гг. она сильно пострадала в ходе боевых действий и позднее была разобрана. На месте этой церкви сейчас находится здание Дома быта.

Другой заметный отовсюду храм — кирпичная холодная (т.е., летняя, не отапливаемая) церковь Воздвижения Честного Креста Господня (см. Рис. 4), в формах барокко, была построена в 1785–1791 гг. “усердием купцов Кочанов” как греко-католическая (униатская). После Полоцкой унии 1839 г. она также стала православной. В 1876 г. она была повреждена пожаром, затем отремонтирована и закрыта в 1938 г. В годы Великой Отечественной войны здание было повреждено, после чего разобрано.

Рис. 5. Карта Полоцкого наместничества на 1792 г.

Натурально, поскольку в городе была многочисленная еврейская община, там имелась синагога. Фотографии ее нам не известны, но очень подробное ее описание у нас имеется (см. [6]):

... в самом начале прошлого столетия русское правительство ассигновало значительную сумму денег на устройство в г. Велиже православного храма. Но городской голова, униат Короновский, употребил отпущенную из казны сумму на постройку костела, за что и был отдан под суд. В 1810 г. приступили к сооружению нового грандиозного Свято-Духова униатского храма в центре города, на углу Базарной площади и Духовской улицы. По плану ограда нового храма почти непосредственно примыкала к ограде помещавшейся на соседней школьной улице главной еврейской синагоги (она же — Большая синагога и Большая школа).

Синагога эта была построена в пятидесятые годы 18-го столетия, когда город еще находился под властью Польши, из дубовых брусьев и по особому плану. Она представляла собой грандиозное, отличавшееся прекрасным стилем здание — с высоким острым шпилем и узкими стрельчатыми окнами. Их переливавшиеся на солнце разноцветные стекла смотрели во все стороны света. Синагога была выше всех соседних домов, и при приближении к городу первую бросалась в глаза еще издали. Восемнадцать молелен ютились в ней и вокруг, и под ее высоким куполом могли одновременно поместиться более двух тысяч человек.

При тогдашних настроениях “давивший” все соседние здания своей старинной стильной архитектурой еврейский храм, неожиданно для себя очутившись в центре узкого пространства, образовавшегося между католическим Успенским костелом, с одной стороны, и вновь сооруженным униатским собором, с другой, не мог, конечно, не почувствовать некоторой тревоги за свою судьбу. И действительно: на небе вскоре стали собираться первые черные тучи нависающей над евреями мощной грозы, и первый удар молнии поразил именно высокий шпиль старой синагоги.

Сопоставив даты, читатель увидит, что многие из упомянутых выше событий городского строительства либо происходили, либо готовилось между 1785 г. и 1798 г., когда городничим Велижа был Антон Иванович Шлиппенбах. Так, достоверно известно, что закладка⁴ Кресто-Воздвиженской церкви производилась в его присутствии.

Межконфессиональные столкновения. Заинтересованный читатель может обратиться к книге Е.К. Анищенко “Евреи Белорусской губернии. Исторический очерк и документы” [1], но мы ограничимся лишь несколькими штрихами, описывая неизбежные в то время и в таком месте межконфессиональные противоречия и столкновения, причем не между евреями и христианами, а между христианами и христианами.

В 1798 г., при выяснении возникшего ропота среди униатов Велижского уезда открылось, что в имении А.С. Васильчикова чепельский войт Василий Мохин

напаивал допьяна не один раз благочинного священника, призывал его к носилкам, на которых мертвых несут, и при колокольном звоне вынашивал как мертвого к церкви.

Для исследования всех обстоятельств 3 октября 1798 г. на место был срочно послан генерал-лейтенант Федор Линденер. В Великих Луках он получил донесение велижского городничего барона Антона Шлиппенбаха⁵ и уездного маршалка надворного советника Алексея Волкова о том, что униатские попы

вознамерились погребсти господствующую в России веру, . . . учинить греческую религию презренною, возмутить народ и отторгнуть его от оной. Народ сей отстывает совершенно от греческой церкви. Они не крестят у себя, не похороняют и не ходят к причастию, ни к исповеди и все сие отправляется тайно униатскими попами. А чтоб зло сие не распространилось . . . и не вкралась какая третья политическая партия, несогласием черни воспользоваться могущая, и чтобы, когда удастся в сем одному уезду, . . . по примеру его не взбунтовать и другие многие пограничные российские провинции.

Они просили Синод и его посланца назначить

---

⁴К слову, первоначально деревянная, она была затем переделана в каменную.

⁵Заметим, что 1798 г. — последний в 14-летнем пребывании Антона Ивановича Шлиппенбаха в должности городничего г. Велижа.

честных статистиков для деликатного в Велиже разбирательства ... в сем духовном политическом деле (РГАДА⁶, Ф. 7, Оп. 2, Д. 3165, ЛЛ. 5–5 об., 12).

Заметим, что 1798 г. — год царствования императора Павла I. Взойдя на престол после своей матери и делая упор на применение силы в межконфессиональных отношениях, чего особенно избегала Екатерина II, он значительно изменил стиль правления. Это (см. [1]),

говоря словами новоназначенного белорусского епископа Анастасия, дало “косное направление” правительственному курсу относительно обеспечения господства православия за счет иных конфессий, особенно униатов. Это прекрасно выразил генерал-прокурор Сената А.Б. Куракин, который 14 марта 1798 г. велел белорусскому губернатору С.С. Жегулину⁷ взять с настоятелей всех католических и униатских монастырей подписку в том, чтобы их монахи “непристойным их званию образом не таскались и не переходили с одного места на другое”. На момент издания этого распоряжения минул год действия указа Синода, который повелел приходским священникам удерживать крестьян от бунта, за что поощрил переводом попов на выгоднейшие места. Тем не менее в Белорусской епархии имелось 453 праздные места, а на 385 православных церквей приходилось 450 униатских и не менее 200 католических костелов. Православный клир в большинстве приходов испытывал нужду в земельных угодьях, а гонимое униатское духовенство отправляло службу в католических храмах.

Крутые меры до того стеснили повседневный быт католиков, что сам А. Куракин 8 июня 1798 г. поспешил рекомендовать С. Жегулину употреблять все “возможные прозорливые способы, дабы вникнуть в следы подозрительных предначинаний и без малейшаго даже самому виновному безвременнаго стеснения единственно надзором, деятельностию своею преграждать пути к каковым-либо злонамеренным поползновениям, не обнаруживая насилеи по сим начинаниям”. Но ретивый Жегулин уже успел 17 мая 1798 г. запретить выдавать крестьянам паспорта в другие губернии, а следом 24 июня 1798 г. последовал именной указ выдавать паспорта купцам, мещанам и крестьянам только на один год. Буквально в этот же день С. Жегулин успокоил верхи тем, что нигде не видит ропота, хотя католический клир жаловался на притеснения, захват униатских монастырей, где “исповедуют католическую религию”.

---

⁶Здесь и далее: Российский Государственный архив древних актов.

⁷Белорусские губернаторы: Жегулин Семен Семенович, тайный советник, 06.01.1797–12.12.1798, Белокопытов Аверкий Семенович, действительный статский советник 12.12.1798–04.06.1799, Северин Петр Иванович, тайный советник 03.06.1800–29.12.1800, Торбеев Петр Матвеевич, тайный советник 29.12.1800–1802, Шишкин Сергей Александрович, действительный статский советник 1802–1808, и так далее. Мы увидим имя Жегулина (написанное в документах не через “е”, а через “и”, ниже. — *В.М.*

В свое оправдание он заявил, что “простер строгость воспрещения на все без изъятия”, особенно ввиду подозрения на униатское духовенство, которое еще в ходе восстания 1794 г. мечтало “видеть нашествие поляков на Белоруссию и обращение ее в прежнее бытие”, и чтобы понудить духовенство “прилежать прямо к тому предмету, к чему оно себя, оставляя светскую жизнь, предопределило, а не ходило с места на место без всякой нужды”.

Повседневные заботы. Как мы увидим ниже, в 1799 г. Антон Иванович Шлиппенбах в чине надворного советника был переведен городничим в г. Лебедянь. Из комедии Н.В. Гоголя, хотя и описывающей времена царствования императора Николая I, мы можем понять, какие аспекты городской жизни составляли повседневную заботу городничего.

Смотрим список действующих лиц комедии: учебные заведения (Лука Лукич Хлопов), суд (Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин), богоугодные заведения (Артемий Филиппович Земляника), почта (Иван Кузьмич Шпекин), медицинский персонал (Христиан Иванович Гибнер), помещики (Петр Иванович Добчинский, Петр Иванович Бобчинский), купцы (Абдулин и проч.), мещане и, наконец, уважаемая общественность: отставные чиновники, почетные лица в городе (Федор Иванович Люлюков, Иван Лазаревич Растаковский, Степан Иванович Коробкин).

В подчинении же у городничего — частный пристав (Степан Ильич Уховертов) и полицейские (Свистунов, Пуговицын, Держиморда), многие из которых инвалиды из отставных солдат.

Посмотрим теперь на документы⁸. Помимо общих слов о том, что городничий “пекся к пользе граждан и выполняя законные предписания начальства и напрягал свои силы отыскивать посредствы к облегчению оных”, там явно отмечены вполне конкретные вещи:

благоразумным расположением споспешествовал к благоденствию жителей доставляя каждому по его должности справедливость с удовлетворением равномерно ж исправностию пожарных инструментов находящихся в его ведомстве в бывших несчастных пожарных случаях неодинажды дома градских жителей и их имущества спасены были от огня и опасности а сверх того частью по его господина городничего старанию более трехсот каменных и деревянных домов по плану выстроено.

Как ни странно, помимо городского строительства, именно противопожарное дело было одной из главных забот городничего. Вряд ли полицейские и частный пристав (Степан Ильич Уховертов, Свистунов, Пуговицын, Держиморда) могли выполнить эту *техническую* задачу.

---

⁸Приведем отрывок из аттестата, данного 1798-го года августа 25-го дня Велижскому городничему барону Антону Ивановичу Шлиппенбаху. Он подписан Головой Стефаном Михалевичем, Бургомистром Львом Поромовским, Бургомистром Иозефой Хрулевичем, Ратманом Никитой Солодниковым, Ратманом Стефаном Пашковским, Ратманом Хаимом Лурие (РГВИА, Ф. 3545, Оп. 4, Д. 3122, ЛЛ. 2, 2 об.). Здесь и далее: РГВИА — это Российский Государственный военно-исторический архив. Полный текст аттестата приводится ниже.

Поддержание порядка в городе прямыми полицейскими мерами — вторая важнейшая задача городничего. Была ли в этом действительная необходимость? Была. Приведем отрывок из книги [3], написанной краеведом И.И. Дубасовым в 1883 г. Хотя описываемые им случаи относятся не к Велижю, а к Тамбовскому краю, они датированы 1780 г. и вполне характерны.

У ворот Можаровской усадьбы исправника встретили человек 100 дворовых и крестьян, вооруженных цепями и дубинами.

— Что вы за люди? громко спросили они у приближавшегося к ним полицейского поезда.

Волков прикрикнул на них и объяснил им, что он капитан-исправник, представитель царской власти.

— Врешь, — отвечали ему, — вы вот, разбойники а приехали грабить господский дом, да не на таковских напали: в дубье мы вас примем . . .

Нечего делать, исправник должен был уехать ни с чем.

И оттуда же:

в том же 1780 году 21 марта через Тамбов проезжал помещик Шегаров. Приезжий подкатил к почтовому двору с многочисленной свитой и грозно потребовал лошадей и проводников. К несчастью, все почтовые лошади были в разгоне . . . Тогда Шегаров пошел к правителю Тамбовских ямов майору Федерману.

— Читал ли ты, немчура, подорожную мою? — сказал он.

— Сейчас же подавай ямщиков!

Федерман посоветовал ему обратиться за проводниками в воеводскую канцелярию.

Это обидело Шегарова и он схватил Федермана за грудь и стал колотить его пальцами в глаза.

— Ты немецкий беглец, — кричал он, — и я велю заковать тебя в кандалы.

Федерман попытался возразить: и я де такой же штаб, как и ты, а ты меня порочишь⁹, — но тут подбежали к нему Шегаровские дворовые, схватили его и высекли на его же собственном дворе.

Федерман убежал, а Шегаров получил то, что требовал, и кроме того — сани с подрезами, принадлежавшие побитому почтовому начальнику. На этих санях, с громом и звоном, подкатил он к дому одного своего Тамбовского приятеля и пробыл там несколько часов, а затем совершенно благополучно проследовал в село Талинку, откуда и отпустил ямщиков, не заплатив им прогонов . . .

---

⁹Заметим, что это одна из ключевых фраз этого повествования: как помещик Шегаров, так и правитель Тамбовских ямов Федерман, были *штаб-офицерами*. Их ранг был не только равен, но и весьма высок. Про Федермана нельзя думать, что это был кто-то типа станционного смотрителя из повести А.С. Пушкина. Более того, Федерман был *должностным лицом* и вполне имел право применить оружие.

Подобную же необузданность иногда проявляли и такие Тамбовские дворяне, которые нигде никогда не служили и следовательно не имели никакого официального положения. Таков был недоросль Вельяминов.

Однажды он с целого шайкою в полночь подъехал к дому нелюбимаго им дьякона Лысогорскаго, ворота в его дом выломал, окна выбил, всю семью избил . . . Дьяконский сын в одном изорванном белье выбежал тогда из дому и зазвонил в церковный колокол. Священник и пономарь прибежали в церковь. Явился туда же и Вельяминов, священника и пономаря ударил рожном, а сам направился на колокольню и для собственного удовольствия начал звонить во все колокола. Собрался народ. Дивились все, а ничего не могли сделать с барином . . .

В то же время мелкое Тамбовское дворянство, которое из-за куска хлеба шло в разные канцелярии, тоже не блистало нравственными совершенствами.

Как поступали служилые Тамбовские дворяне с подчиненными им сельскими жителями, это очень ясно видно из письма Кадомскаго секретаря Карева к крестьянскому старосте Миرونу Курмашову. Вот это письмо:

“Я к тебе писал перед тем, чтобы ты, плут и мошенник, выслал сюда в Кадом солдата Пайкова. Да он уже здесь хотя подушныя деньги платил, но отсюда, не взяв квитанции, бежал. И для того к тебе еще пишу, чтобы ты непременно его выслал сюда еще с подушными деньгами, ибо ежели челобитную солдат подаст, то я уверяю вас всех, будет она ему больше 200 рублей стоить”.

Краевед И.И. Дубасов, книгу которого, написанную в 1883 г., мы только что цитировали, был Председателем Тамбовской ученой архивной комиссии. Справедливости ради, следует процитировать оттуда и следующий отрывок, напрямую касающийся Антона Ивановича Шлиппенбаха:

В то время . . . в Лебедяни властвовал городничий Шлиппенбах. Со всех торговых статей он брал себе определенную пошлину, по произвольной таксе. Противозаконные финансовые операции были, впрочем, не единственными увлечениями городничего Шлиппенбаха.

Ночью, в мае 1801 года, он ворвался в дом лебедянского мещанина Белкина и требовал, чтобы тот выдал ему свою дочь. И когда ему отказали в этом, он перебил в доме Белкина все окна. Кроме того, Шлиппенбах с обывателями обращался очень жестоко, подвергая их побоям в домах и на улицах. Даже один офицер, Харламов, был прибит Шлиппенбахом на улице.

Чтобы понять, не увлекся ли Председатель Тамбовской ученой архивной комиссии собиранием сплетен, обратимся к личности Антона Ивановича Шлиппенбаха. В самом деле, полезно понять, мог ли — и если мог, то в каком смысле — пятидесятитрехлетний Антон Иванович Шлиппенбах, отец многочисленного семейства, близкий родственник (муж сестры) воспитательницы царских детей Шарлотты Карловны Ливен, “благодаря большому уму,

твердости характера, неутомимости и недюжинной энергии” пользовавшейся неизменным уважением на протяжении екатерининского, павловского, александровского и николаевского царствований, наконец, боевому офицеру, требовать от некоего мещанина Белкина выдачи ему своей дочери, и если мог, то в каком смысле и в каких целях.

Относительно того, что некий офицер Харламов “был прибит Шлиппенбахом на улице”, мы прямо скажем, что это выдумки: по тогдашним правилам публично побитый офицер — уже не офицер.

Антон Иванович Шлиппенбах. Говоря телеграфным стилем, Антон Иванович (Otto Johann) Шлиппенбах, родившийся в имении Альт-Борнхузен в Лифляндии 18 ноября 1747 и скончавшийся после¹⁰ 1807 г., вступил (1-й раз) в службу в Ямбургский карабинерный полк (1760), вахмистр (1763), адъютант генерал-майора¹¹ (1764), вышел (1 раз) в отставку поручиком (1766), вступил (2-й раз) в службу (22.2. 1768), ротмистр (13.11. 1772), вышел (2 раз) в отставку секунд-майором Ямбургского карабинерного полка (20.1. 1774), вступил (3-й раз) в службу (28.8. 1777), вышел (3-й раз) в отставку (1.5. 1779), вступил (4-й раз) в службу (23.12. 1779), вышел (4-й раз) в отставку по болезни (31.7. 1783).

Затем (по Указу Сената от 21.2.1785) с 8 мая 1785 г. — годорничий г. Велиж Полоцкой губ. В чине надворного советника¹² был в 1799 г. переведен городничим в г. Лебедянь Харьковской губ.; в чине Коллежского советника¹³ 6 января 1803 г. подавал прошение о переводе на должность городничего в г. Елец.

Некоторые сведения о происхождении и предках. В формальных послужных списках не отмечалось, что Антон Иванович Шлиппенбах — одновременно правнук

- Вольмара Антона Шлиппенбаха, про которого читателям скорее всего известно, что он попал в плен в Полтавском сражении, и
- Герхарда Иоганна Левенвольде, про которого читатели знают еще меньше, хотя он — пленнопотенциарий Петра I в Лифляндии и Эстляндии (1710), затем тайный советник, обер-гофмейстер двора принцессы Шарлотты Софии, супруги царевича Алексея Петровича.

Но много ранее, в июне 1696 г., он был приговорен Карлом XI к смертной казни за открытый протест против редуций, которые, говоря кратко, были формой пополнения шведской казны за счет

¹⁰Точная дата смерти нам не известна.

¹¹Согласно “Ведомости состоящим в Ямбургском карабинерном полку сверх комплекта офицерам”, барон Отто Шлиппенбах “причислен ко ордеру господина генерал-майора и кавалера Ивана Григорьевича Древица” (РГВИА, Ф. 230, Ч. 1). И.Г. Древиц (1733–1783) происходил из сербских дворян. В 1759 г. перешел из прусской на русскую службу. Во главе Сербского гусарского полка принимал участие в войне с польскими конфедератами (1768–1772) и 3 февраля 1770 г. был награжден орденом св. Георгия 3-й степени (№ 3 по кавалерским спискам). Отрицательно характеризовался А.В. Суворовым: “. . . он выгнал население Мира, оставил на произвол судьбы Ченстохов, открыл Зарембе ворота и убежал в телеге от Пулавского” (А.В. Суворов — И.И. Веймарну, 7(18) октября 1770; см. [7], С. 16). И.Г. Древиц участвовал в подавлении пугачевского бунта. С 22 сентября 1775 г. — бригадир, с 28 июня 1777 г. — генерал-майор. См.: РГВИА. Ф. 489, Оп. 1, Д. 7164, Л. 20.

¹²Гражданский чин VII-го класса. Соответствовал чину подполковника в армии.

¹³Гражданский чин VI-го класса. Соответствовал чину полковника в армии.

собственности жителей недавно завоеванных Швецией территорий. Это отдельная тема и мы больше не будем, хотя и можем, об этом говорить.

В разных источниках приведены порочащие Вольмара Антона Шлиппенбаха и заведомо ложные сведения, сводящиеся к тому, что мотивы его перехода на русскую службу были корыстными. Так, в энциклопедии Брокгауза и Эфрона говорится, что он “вступил на русскую службу, получил поместья в Курляндии, произведен в генерал-лейтенанты и награжден титулом барона”.

В нашем исследовании важно то, что это прямая ложь. В.А. Шлиппенбах никогда не получал поместья в Курляндии: его и его жены Хелены Ливен имениями оставались Альт- и Ной-Борнхузен и Оллустфер в Лифляндии, а также Сойниц в Эстляндии¹⁴. Семья генерал-поручика испытывала все трудности жизни “на зарплату”. В письме¹⁵ А.Д. Меншикову от “ноября 2-го дня 1720 году” он пишет: “трактаменту инаго никакова не получаю, токмо генерал-поручтиков, а за удержанием рационов жалование у меня убавится”. И, конечно, В.А. Шлиппенбах никогда не был “награжден титулом барона”. Это явная бессмыслица. Хорошо известно, что первые лица и роды, возведенные в баронское Российской империи достоинство, следующие¹⁶: Шафиров Петр Павлович (30 мая 1710), Остерман (Heinrich Johann Friedrich) Андрей Иванович (30 августа 1721), Строгановы Александр, Николай и Сергей Григорьевичи (6 марта 1722), Клементова Евдокия Ильинична (21 мая 1725), фон Штамбкен (von Stambken) Андреас-Эри(е)ст (23 ноября 1726), Четихин Лука (26 (24?) ноября 1726). В.А. Шлиппенбаха в этом списке нет.

Правда, однако, проста и говорить ее легко и приятно: В.А. Шлиппенбах (23 февраля 1653–27 марта 1721 согласно эпитафии в Домском соборе Таллина; всего он прожил “68 Jahr 1 Monat” — 68 лет и 1 месяц) участвовал

- в Нарвском сражении ноября 1700 г. — на 47-м году жизни,
- в безуспешной обороне Лифляндии и Эстляндии от численно превосходящих войск Б.П. Шереметева в 1701–1703 гг. — между 49-м и 51-м годами жизни,
- в Полтавском сражении 1709 г. — на 57-м году жизни,
- был отпущен из плена и поступил на русскую службу в 1712 г. — на 60-м году жизни,
- был произведен Петром I в генерал-поручики в 1714 г. — на 62-м году жизни.

Будучи с 1710 г. российским подданным, он *не мог* без достаточно веских причин отказаться от вступления в русскую службу, которая для дворян долгие годы была обязательной.

В этой связи, для погружения в конкретику начала 18-го века, и только для интересующихся читателей (остальные могут пропустить этот документ

---

¹⁴Вообще, имениями в Курляндии — и вовсе не пожалованными Петром I — владела другая ветвь Шлиппенбахов. Более подробное разбирательство интересно и возможно, но оно не входит в план настоящей статьи.

¹⁵РГАДА, Ф. 198. А.Д. Меншиков. Оп. I. Е.х. 1054, ЛЛ. 105 и об. Подлинник.

¹⁶Напомним, что Петр I умер 28 января (8 февраля) 1725 г., так что список приводится нами с известным запасом.

без ущерба для понимания прочего) мы приведем в подлиннике “Его Царского Величества в Государственной военной коллегииум. Покорное доношение” (РГВИА, Ф. 2, Оп. 1, Св. 13., Д. 49, ЛЛ. 645–645 об.).

Понеже ис правительствующаго Сената указ в Государственной военной коллегииум прислан, дабы у всех коллежских чинов из иноземцов взять ведомости кто имяны из которой иностранн. . .¹⁷ земель, свободные и по каким капитуляциям, тако ж де из орестантов швецких из каких кто и на какое время в какую службу принят. Того ради покорнейше доношу: родом я из Л. . . , имя мое Волмар Антон барон фон Шли. . . нбах. У шведов был я губернатором Эстл. . . провинции и города Ревеля генералом маео. . . эншефт над войсками в Лифляндии обретающи. . . и обер камендантом в Дерпте, Пернове и На. . . . Оттуды поехал в Польшу к войску короля швец. . . и в 1709-м году под Полтавою взят в полон, и с . . . в полону по 1712-й год. А в том году вступил по капитуляции, с светлейшим князем Меншико. . . учиненной, в службу Его Царского Величества с таким договором, дабы от того времени ранг мой почитать как я был генералом маеором у короля швецкаго. По окончанной щастливой кампании в Финляндии, в 1714-м году, от его Царского Величества пожалован в генералы порутчики и за старость и немочь мою назначен и определен в Его Царского Величества Военной коллегииум тайным советником, в котором я, по Божию и Его Царского Величества соизволению, до тех мест верно учтиво служить намерен, покамест мочь моя будет слабость здравия моего допустить и Его Царское Величество, мой всемилостивейший монарх и государь, мою нижайшую службу требовать. Тако ж де до вольнаго трактаменту, в сим дорогом месте, в котором из годовых денег жить принужден, мне определить соизволит. Ибо я сам во оных не прибываю и удовольствуюся, но все отдаю с радостным сердцем для субсистенции войск Его Царского Величества.

Подпись: Шлиппенбах (*латинскими буквами*)
В Санкт–Петербурхе
декабря в 4-й день 1719 году

Некоторые сведения о военной службе. Вернемся к Антону Ивановичу Шлиппенбаху, городничему города Велижа. Сперва мы приведем в подлиннике ряд архивных документов относительно его службы до назначения в 1785 г. на этот пост. Итак,

1774 году генваря 20 дня по указу ея императорского величества государственная Военная коллегия по челобитной Ригского карабинерскаго полку ротмистра барона Антона фон Шлиппенбаха, которой, прописывая свою службу, и что он ныне,

¹⁷Поскольку края листа повреждены, здесь и далее многоточием обозначены не сохранившиеся отрывки текста документа. — В.М.

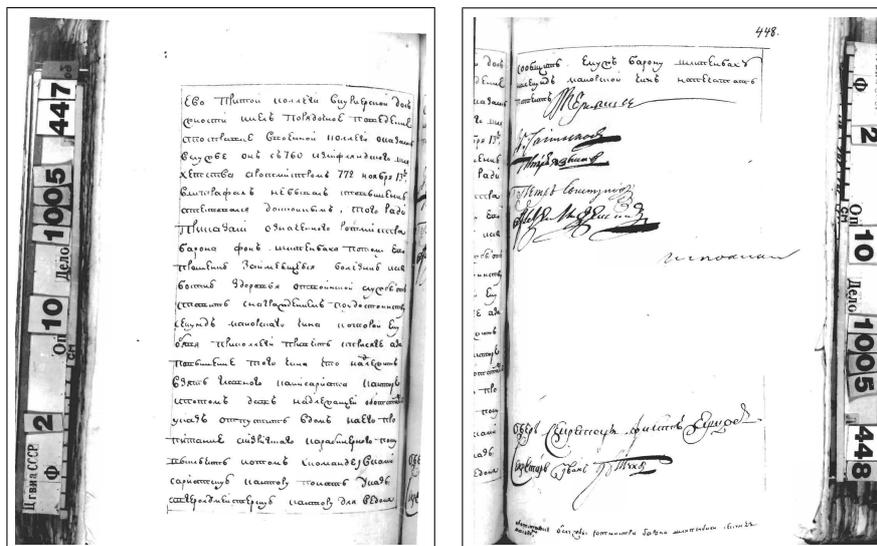

Рис. 6. РГВИА Ф. 2, Оп. 10, Д. 1005, ЛЛ. 447 об.–448.

будучи из Варшавы отправлен сюда в Санкт-Петербург курьером, и находится при Коллегии иностранных дел, и всеусердно бы желал далее службу продолжать, но приключившаяся болезнь и последовавшая от того слабость ево здоровья не позволяет более во оной остаться, просит об отставке по слабости ево здоровья. И в силу указа о вольности, данной дворянству от воинской службы на собственное пропитание с награждением при отставке так, как и протчих следуемого чина. При чем и данной ему от Коллегии иностранных дел о поведении ево атестат приложил, в котором значит, что он в бытность (Л. 447 об.) ево при той коллегии в куриерской должности имел порядочное поведение. А по справке в Военной коллегии оказалось, в службе он с 760 из лифляндского шляхетства, а ротмистром 772 ноября 13-го, в штрафах не бывал, к повышению атестовался достойным. Того ради приказали означенного ротмистра барона фон Шлипенбаха по тому ево прошению за имеющуюся болезнь и слабостию здоровья от воинской службы отставить с награждением по достоинству секунд-майорского чина, которой ему объявя при коллегии привести к присяге. А за повышение того чина что надлежит взять Главного камисариата канторе и потом, дав надлежащей об отставке указ, отпустить в дом на его пропитание, из Ригского кабинерского полку выключить. И о том х команде и в Камисариатскую кантору послать указы, а в Герольдмейстерскую кантору для ведома (Л. 448) сообщить ему ж барону Шлипенбаху на секунд-майорской чин напечатать патент.

(Далее подписи)

(РГВИА Ф. 2, Оп. 10, Д. 1005, ЛЛ. 447–448)

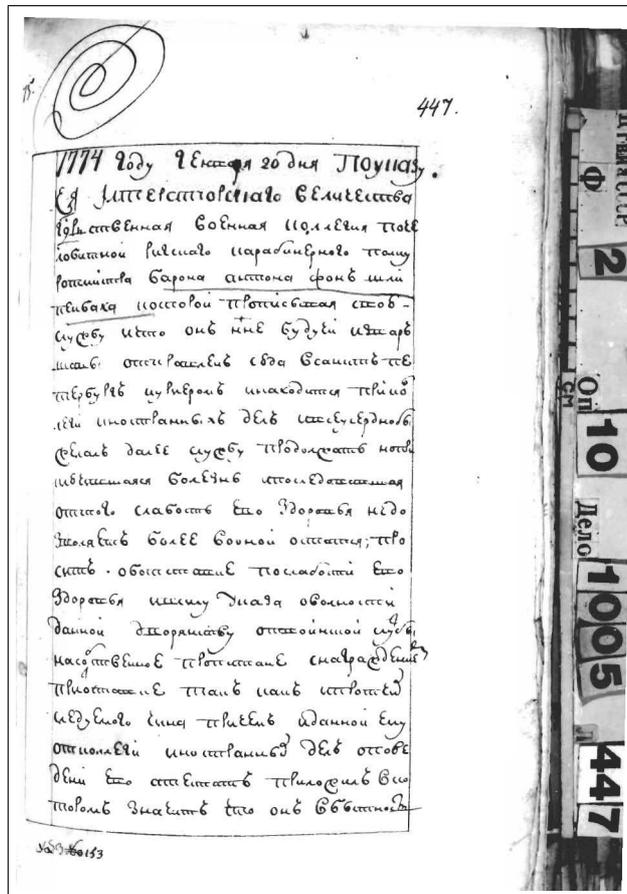

Рис. 7. РГВИА Ф. 2, Оп. 10, Д. 1005, ЛЛ. 447–448.

Следующий документ, связанный с предыдущим, называемый “Указ Военной коллегии об отставке от службы секунд-майора Антона Шлиппенбаха”, находится в том же месте хранения РГВИА; он датирован 31 июля 1783 г.

(Л. 195) По указу Ея величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской и прочая, и прочая, и прочая, из государственной Военной коллегии отставному от военной службы секунд-майору барону Антону Шлиппенбаху, которой как по списку, представленному в коллегию от команды с его челобитною показано, находился в Янбургском карабинерном полку в службе в 760-го, из лифляндскаго шляхетства, от роду ему 35 лет, вахмистром 763-го сентября 18-го, в штабе генерал-майора адъютантом 764-го октября 22-го, в 766-м ноября 3-го отставлен был от службы поручиком, в 768-м февраля 22-го принят по-прежнему в службу, в коей будучи произведен 772-го ноября 13-го ротмистром, в 774-м генваря 20-го отставлен от службы секунд-майором, в 777-м августа 28-го принят в службу; в 779-м мая 1-го третично отставлен; а в 779-м декабря 23-го паки принят в службу; был в походах в минувшую с турками войну, в штрафах не бывал, к

повышению достоин, а челобитною просил о увольнении его за болезнь из службы на его пропитание, того ради по определению государственной Военной коллегии, учиненному сего июля 3-го дня, оной секунд-майор барон Шлиппенбах по тому его прошению, как он уже и прежде неоднократно из службы увольняем (Л. 195 об.) был, то и ныне из оной уволен по-прежнему и с сим Ея императорского величества указом отпущен на его пропитание. Дан в Санкт-Петербурге июля 31-го дня 1783 года. На подлинном подписано тако: Генерал-поручик и кавалер Карл Гантвих, генерал-майор князь Алексей Мещерской, генерал-майор Александр Беклепов, генерал-майор Василий Чертков, генерал-контролер Егор Наумов, обер-секретарь Иван Говорков, секретарь Иван Петухов, прапорщик Иван Тимофеев.

У подлинного указа государственной Военной коллегии печать.

С подлинным читал секретарь Тимофей Путимцов.

Переход на гражданскую службу. Челобитная секунд-майора бар. Антона Шлиппенбаха о предоставлении ему места городничего г. Велижа. Февраль 1785.

(Л. 194) Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

1-е. Я, именованной, уволен был за имеющимися у меня болезнями от всех Вашего Императорского Величества служб, ныне ж, получа от оных свободу, имею ревность продолжать Вашему Императорскому Величеству службу, а как открывается Полоцкого наместничества в местечке Велиже ваканция, то об определении меня на оную Вашего Императорского величества всеподданейше прошу.

Дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом поведено было сие мое прошение принять и меня, именованного, на открывающуюся ныне в вышепрописанном Полоцком наместничестве Велиже городничего ваканцию всемилостивейше определить.

Всемилолюбивейшая государыня, прощу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить. К поданию надлежит х команде. Февраля¹⁸ дня 1785-го. Челобитную писал за неимением гербовой на простой бумаге Полоцкого пехотного полку сержант Герасим Федоров.

Под пунктами челобитной и внизу подпись: К сей челобитной отставленной от службы секунд-майор барон Антон Шлиппенбах руку приложил.

(РГАДА, Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1, Кн. 721, Л. 194. Подлинник).

¹⁸ Число не проставлено. — В.М.

В том же месте хранения РГВИА находится Приговор Сената от 21 февраля 1785 г.:

(Л. 196) 1785-го года февраля 21 дня по указу Ея Императорского Величества правительствующий Сенат в общем всех департаментов собрании по рапорту генерал-аншефа сенатора, белорусского генерал-губернатора и кавалера Петра Богдановича Пассека, при котором представляет присланную к нему при рапорте от Полоцкого наместнического правления поданную того наместничества города Велижа от городничего секунд-майора и ордена Святого Георгия четвертого класса кавалера Романа Корыса челобитную, которою он просит о увольнении его за старостию лет от службы с пожалованием ему за долговременную службу при отставке пропитания, а как оной городничей состоит в службе в обер-офицерском чине сорок четыре года безпорочно, и в продолжении оной довольно был в походах и сражениях с неприятелем, нынешнюю же городническую должность исправляет с надлежащею исправностию, колико долг службы и обязанность того требует, и при честном поведении не навлек на себя никакого рода жалоб, почему он, генерал-аншеф, отдавая на добропорядочную его службу справедливость, правительствующий Сенат просит во уважение Корыса долговременной и безпорочной службы, обремененных лет его и неимущества, в награждении при отставке пропитанием не оставить рассмотрением, когда же оной городничей Корыс от службы отставлен будет, то на место его просить о определении признанного за способного отставного от воинской службы секунд-майора Антона барона Шлипенбаха; в приложенном списке показано: в службу Корыс вступил из польского шляхетства с 741-го прапорщиком, 747 полковым адъютантом, 748-го поручиком, 755-го апреля 1-го капитаном, 772-го октября 22-го отставлен секунд-майором, 778-го мая 12-го определен городничим; Шлипенбах в службу вступил из лифляндского шляхетства 760-го в Янбургской карабингерной полк, 763-го вахтмистром, 764-го в штаб генерал-майора адъютантом, 766-го отставлен поручиком, 768 февраля 22-го принят по-прежнему в службу и производился 772-го ротмистром, 774-го января 20-го отставлен секунд-майором, 777-го августа 28-го принят в службу, 779-го мая 1-го третично отставлен и того ж года декабря 23-го паки принят в службу, 783-го июля 3-го по прошению его за болезнь от службы уволен, был в походах, в штрафах и подозрениях не бывал; ПРИКАЗАЛИ: по представлению генерал-аншефа и кавалера Петра Богдановича Пассека находящегося Полоцкого наместничества в городе Велиже городничим секунд-майора и кавалера Романа Корыса за старостию лет по его прошению от должности уволить, а о увольнении его от службы вовсе с награждением на основании 764 года июня 7-го дня высочайшего указа из последнеполучаемого им жалованья половинным пенсионом поднести

Ея Императорскому Величеству всеподданейший доклад; на месте же ево быть городничим отставному секунд-майору Антону барону Шлиппенбаху, о чем им объявля указ, Шлиппенбаха привести к присяге и велеть вступить в должность, и о том в наместническое правление послать указ, а в московские Сената департаменты ведение.

Подлинной за подписанием правительствующего Сената.

С подлинным читал губернский секретарь Кондрат Огиевский

Некоторые сведения о семье и детях. У Антона Ивановича Шлиппенбаха было два старших брата, Андрей¹⁹ и Максим, и младший брат Егор. Трое из четырех братьев, Андрей, Максим и Антон, примерно в одно и то же время служили в карабинерных полках и с честью участвовали в реальных боевых действиях в Польше и Турции. Но только Антон из этих трех многократно вступал на службу и выходил со службы. Обычно это было связано с проблемами со здоровьем или с заключением брака.

Достоверно известно, что Антон Иванович был женат (с 1 января 1781 г.) на Анне Луизе Гаугребен (?–не позднее 1790), родной сестре упоминавшейся выше Шарлотты Карловны Ливен, в девичестве Гаугребен²⁰. Был ли это первый или второй брак, нам выяснить не удалось. После ее смерти он женился на графине Марии Сергеевне Миних (?–13 июня 1848 г.), дочери Сергея Сергеевича Миниха, военного коменданта городов Минска и Витебска.

Вероятно, Сергей Сергеевич Миних, тесть Антона Ивановича Шлиппенбаха, был хорошим наставником в деле обучения премудростям управления городами с многоконфессиональным населением и различными общинами, включая еврейскую. Нам же интересно то, что тесть Антона Ивановича Шлиппенбаха был внуком Бурхарда Христофора Миниха, хорошо известного в русской истории.

Сын Бурхарда Христофора Миниха, т.е., отец Сергея Сергеевича, очень хорошо понимал, что такое жизненные сложности, капризы судьбы и вообще несправедливость: он, как и его отец, был репрессирован в начале царствования Елизаветы Петровны, пришедшей к власти в результате переворота — вместе с младшим сыном упомянутого выше Герхарда Иоганна Левенвольде, обер-гофмаршалом графом Густавом Рейнгольдом Левенвольде, Остерманом, Головкиным и некоторыми другими видными лицами царствования Анны Иоанновны.

Не считая дочерей, у Антона Ивановича Шлиппенбаха были сыновья: Карл, Лев, Егор, Павел, Николай, Константин. Подробности их жизни заинтересованный читатель может найти в статье [4].

О каждом из них можно рассказывать очень долго. Так, Лев и Егор были военно-морскими офицерами; Егор Антонович — зять известного адмирала Логина Гейдена, командовавшего русской эскадрой при Наварине; в записке от 1828 г. о злоупотреблениях в морском ведомстве генерал-интендант В.М. Головин дает Е.А. Шлиппенбаху следующую характеристику:

¹⁹Прямой предок автора настоящей статьи.

²⁰Это дочери коменданта г. Ревеля, генерал-лейтенанта Карла Каспара фон Гаугребена, командовавшего русскими кирасирами в Семилетней войне. Фамилия их матери — Поссе.

капитан 2 ранга Шлиппенбах ныне здесь находится; по отзывам вообще всех служащих во флоте имеет достоинства, скром и редкой нравственности человек.

Павел, Николай и Константин Антоновичи — офицеры, воевавшие в Отечественную войну 1812 года, причем имя Павла Антоновича дважды упомянуто на досках Храма Христа Спасителя: этот артиллерист, будучи очень молодым человеком, отличился в бою при Островно. Александра, дочь Николая Антоновича, — мать основателя Крестовоздвиженского православного трудового братства и Воздвиженской сельскохозяйственной школы Николая Николаевича Неплюева (1851–1908), в известном смысле (хотя и в другую эпоху) предшественника А.С. Макаренки. Продолжать можно очень долго, но это далеко выходит за рамки нашей основной темы.

Теперь, зная сказанное выше, читатель сам может оценить, насколько образ хулигана, который “ворвался в дом лебедянского мещанина Белкина и требовал, чтобы тот выдал ему свою дочь. И когда ему отказали в этом, он перебил в доме Белкина все окна” подходит под реальную фигуру велижского городничего.

Некоторые документы, касающиеся службы в Велиже. Мы приведем без изменений²¹ ряд документов, которые, будучи обычной служебной перепиской, дают известное представление об отношениях вышестоящих и нижестоящих властей и населения города Велижа, которым эти власти — плохо ли, хорошо ли — управляли. Для удобства читателя мы снабдим их порядковыми номерами.

№ 1 (РГВИА Ф. 3545, Оп. 4, Д. 3122, Л. 1).

Государь мой Антон Иванович,

Ея Императорское Величество по засвидетельствовании моему о рачительном исправлении вами должности своей, всемилоостивейше пожаловали вам в знак монаршего ея благоволения бриллиантовый перстень, которой я с нарочным курьером при сем к вам препровождаю. Поздравляю вас с сею высочайшею милостию.

Пребываю с обыкновенным почтением вам,
генваря 24-го дня 1787 года,
государь мой,
покорный слуга,

Петр Пассек

№ 2 (РГАДА, Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1, Кн. 765, Л. 281. Подлинник). 1788 февраля 22 — Рапорт Полоцкого и Могилевского генерал-губернатора П.Б. Пассека в Сенат о разрешении уволить Велижского городничего бар. А. Шлиппенбаха в Петербург на 29 дней.

(Л. 281) Правительствующему Сенату генерал-аншефа, Полоцкого и Могилевского генерал-губернатора Пассека

РАПОРТ

²¹Имеющий глаза, да увидит.

Полоцкой губернии велижской городничей секунд-майор барон Антон Шлиппенбах поданным ко мне прошением просит о увольнении его в Санкт-Петербург на 29 дней для взятъя отголь сына²² его, находящагося ныне лейб-гвардии в Конном полку; я о увольнении онаго Шлиппенбаха в Санкт-Петербург на означенной срок сим от Правительствующаго Сената имею честь просить позволения.

Петр Пассек

На это последовала резолюция (в деле (Л. 282) содержится копия приговора Сената от 9 марта 1788 г. о разрешении уволить Шлиппенбаха на просимое время):

№ 241.	Слушан марта 9 дня 1788 года
Февраля 22-го дня	Уволить на просимое время.
1788 года	
Могилев	

№ 3 (РГВИА, Ф. 3545, Оп. 4, Д. 3122, ДД. 1 и 1 об., № 640)

АТТЕСТАТ

Велижскому городничему господину секунд-майору барону Антону фон Шлиппенбаху, в том что во управление мое Полоцкою губерниею²³ семь лет и несколько месяцев по положению Велижа на большой дороге препоручая ему разные исправления и исполнения всегда с удовольствием видел желаемый успех произведенный его способностями, расторопностию, честностию и похвальным поведением почему отдавал его достоинству справедливость оную чрез сие и свидетельствую за подписанием руки и с приложением герба моего печати дан

В Полоцке марта 22-го дня 1792-го года,

Ея Императорского величества — всемилостивейшей государыни моей генерал поручик Полоцкаго наместничества правитель и ордена святого равноапостольного князя Владимира большого креста второй степени кавалер

Александр Лунин²⁴

²²Карла Антоновича Шлиппенбаха. — *В.М.*

²³Гут можно заметить, что Полоцкая губерния просуществовала около 20 лет. Была образована вскоре после первого раздела Речи Посполитой 4 сентября 1776 г. из Витебской, Двинской и Полоцкой провинций (Псковской губернии). В 1778 г. она переименована в Полоцкое наместничество (см. Рис. 5). В 1796 г. Полоцкая губерния вошла в состав Белорусской губернии. Административно-территориальное деление: Велижский уезд, Витебский уезд, Городокский уезд, Дриссенский уезд, Динабургский уезд, Лепельский уезд (с 1793 года), Люцинский уезд, Невельский уезд, Полоцкий уезд, Режицкий уезд, Себежский уезд, Суражский уезд. Генерал-губернаторы и губернаторы: Ребиндер, Иван Михайлович (генерал-губернатор, 1778–1782); Пассек, Петр Богданович (генерал-губернатор, 1782–1796); Ланской, Михаил Родионович (губернатор, 1783–1784); Лунин, Александр Михайлович (губернатор, 1784–1792); Неклюдов, Сергей Васильевич (губернатор, 1793–1794); Лопатин, Михаил Петрович (губернатор, 1794–1796).

²⁴Лунин Александр Михайлович (1745–1816) — генерал-поручик. Наместник Полоцкого наместничества в 1784–1792 гг. В 1812–1814 гг. главный директор императорской Павловской больницы. Владелец имений в Тамбовской и Рязанской губерниях. Жена (с 1783) Варвара Николаевна Щепотьева (ум. 1812).

№ 4 (РГАДА, Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1, Кн. 832, Л. 267. Подлинник). 18 января 1793 г. — Рапорт в Сенат белорусского генерал-губернатора генерал-аншефа П.Б. Пассека.

(Л. 267) Правительствующему Сенату
генерал-аншефа белорусского генерал-губернатора Пассека рапорт.

Правитель Полоцкого наместничества господин генерал-майор Неклюдов рапортом представил ко мне о увольнении от должности на дватцать девять дней в С.-Петербург велижского городничего секунд-майора барона Шлиппенбаха для отдачи в Морской кадетской корпус четырех сыновей его. Я о сем честь имею представить на благоразсмотрение Правительствующаго Сената.

Генваря 18 дня 1793 года
Могилев

Петр Пассек

Над текстом: 27 генваря 1793.

Внизу: № 65. Слушано 8 февраля 1793.

№ 5 (РГАДА, Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1, Кн. 765, Л. 281. Подлинник). Приговор Сената 8 февраля 1793 г. Здесь же приложена копия приговора Сената о разрешении уволить Шлиппенбаха (Л. 282) от 9 марта 1788 г.

(Л. 268. Копия) . . . означеннаго городничаго Шлиппенбаха для надобности его по его прошению на дватцать девять дней в отпуск уволить и дать ему от наместническаго правления папшорт, а что он на срок к должности своей явился, в том взять с него подписку, должность же его на то время поручить кому по закону следует, а о том в наместническое правление послать указ, а в московские Сената департаменты сведение . . . .

№ 6 (РГВИА, Ф. 3545, Оп. 4, Д. 3122, ЛЛ. 1 и 1 об.)

№ 1725

АТТЕСТАТ

данный Велижскому городничему господину секунд майору барону Шлиппенбаху в том, что он во все время управления моего Полоцкою губерниєю обязанность свою и все сверх оной возлагаемые по казенным делам поручения исполняет с особенным успехом и исправностию ведя себя притом всегда похвально и добропорядочно за что и заслуживает по справедливости похвалу которую свидетельствуя удостоверяю с подписанием руки и приложением герба моего печати.

В Полоцке июня 5-го дня 1794 года.

Ея Императорского величества — всемилостивейшей государыни моей генерал майор Полоцкого наместничества правитель и ордена святого равноапостольного князя Владимира большого креста второй степени кавалер

Сергей Неклюдов

№ 7 (РГАДА, Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1, Кн. 889, ЛЛ. 177, 257 об., 268. Печатный). Алфавит состоящим в статской службе чинам первых восьми классов на 1796 год (С. 247).

Вступление в службу	В настоящих чинах	Секунд-майоры	Где кто обретается
1760	1785 мая 8	Барон Антон Шлиппенбах	В Велиже городничим

№ 8 (РГВИА, Ф. 3545, Оп. 4, Д. 3122, ЛЛ. 2, 2 об.)

1798-го года августа 25-го дня от нас нижеподписавшихся дан господину Велижскому городничему барону Антону Ивановичу Шлиппенбаху в том что он в четырнадцати летнее продолжение своей должности рачительнейшим образом пекся к пользе граждан и выполняя законные предписания начальства и напрягал свои силы отыскивать посредствы к облегчению оных. Имея в главном предмете пользу и неотягощение градских жителей потому не только не принес малейших оскорблений обид и отягощений но напротив разно образно кротостию и благоразумным расположением споспешествовал к благоденствию жителей доставляя каждому по его должности справедливость с удовлетворением равномерно ж исправности пожарных инструментов находящихся в его ведомстве в бывших несчастных пожарных случаях неодинажды дома градских жителей и их имущества спасены были от огня и опасности а сверх того частью по его господина городничего старанию более трехсот каменных и деревянных домов по плану выстроено. Наконец в удостоверение выше писанного собственными руками подписуемся

Голова Стефан Михалевич
Бургомистр Лев Поромовский
Бургомистр Иозефа Хрулевич
Ратман Никита Солодников
Ратман Стефан Пашковский
Ратман Хаим Лурие

№ 8 (РГВИА, Ф. 3545, Оп. 4, Д. 3122, Л. 2, № 4429).

АТТЕСТАТ

дан сей Велижскому городничему господину коллежскому ассессору барону Шлиппенбаху в засвидетельствование что он как во время нахождения его под начальством предместников моих так и будучи по указу правительствующего сената определен в город Велиж городничим со дня прибытия моего в управляемую мною Белорусскую губернию и поныне исправляет должность его и другие возлагаемые на него препоручения с примерным прилежанием и отличным усердием а притом и попечение имеет препохвальное.

Витебск, октября 1-го дня 1798 года.

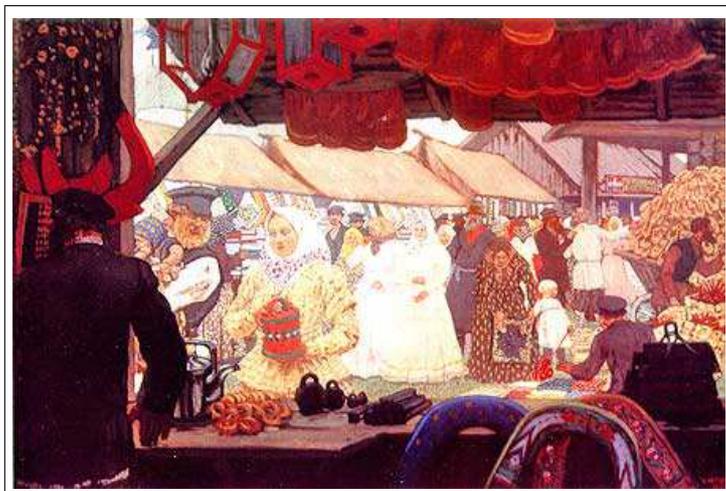

Рис. 8. Картина Б. Кустодиева “Ярмарка” (1908).

Его Императорского Величества всемилостивейшего государя моего тайный советник Белорусский губернатор и кавалер

Семен Жигулин

Некоторые документы, касающиеся службы в Лебедяни. В заключение статьи мы приведем несколько архивных документов относительно службы Антона Ивановича Шлиппенбаха в Лебедяни. Тут стоит заметить, что этот город был широко известен своей ярмаркой (см. Рис. 8). Это был всероссийский торговый центр.

№ 1 (РГВИА, Ф. 3545, Оп. 4, Д. 3122, ЛЛ. 3 об., 4).

Истинною признательности нашею свидетельствуем что господин Лебедянский городничий надворный советник барон Антон Иванович Шлиппенбах отличным усердием и добрым расположением в отдачах для торгов лавок заслуживает то дабы мы нелесное отдали ему преимущество пред всеми на таковом poste находящими как то в Лебедяни, Троицкой и Покровской в Ламовской и Макарьевской ярмонки господами отдающими лавки. Желаем дабы на оных ярмонках отдача лавок зависело от его распоряжений — ибо мы всегда уверены что польза казны не теряла здесь своих выгод равно и купечество не чувствовало угнетений. В чем свидетельствуем о его честном правил положении. Просим удостоить его быть во всех в них ярмонках распорядителем.

Октября 1-го дня 1802-го года.

От приезжих в ярмонки торгующих и купцами оригинал подписано.

№ 2 (РГВИА, Ф. 3545, Оп. 4, Д. 3122, ЛЛ. 3, 3 об.)

1802-го года декабря ____ дня от нас нижеподписавшихся дан сей господину Лебединскому городничему надворному советнику барону Антону Ивановичу Шлиппенбаху в том, что он в двулетнее и шесть месяцев продолжение своей должности рачительнейшим образом пекся к пользе граждан. Как-то — приумножил в сборе денег в думу доходов и во время бываемых в сем городе ярмонок в казну против прежних городничих приумножил доход и во время его сей должности не бывало воровства и смертно убийств. Выполняя законные предписания и искореняя воров отыскал у здешних жителей со товарищи двадцати четырех человек утаенных потерянных майором Муравьевым казенных трех тысяч тридцати пяти рублей денег и напрягал свои силы в отыскании средств по облегчению и пользе и неотягощению градских жителей не причинял никаких обид оскорблений и отягощений но споспешествовал кротостию и благоразумием распоряжением по благоденствию жителей доставлял каждому по его должности справедливость. В удовлетворение свыше писанного собственными руками и приложив городскую магистрата казенную печать,

Градской голова Сергей Неронов,
Бургомистр Гаврила Стуколов,
Бургомистр Андрей Чеботарев,
Ратман Ермолай Журавлев,
Ратман Аврам Ангелов,
Ратман Егор Агарков,
Ратман Никифор Праскурнин

6 января 1803 г. бар. Шлиппенбах подал прошение о переводе на должность в г. Елец, “так как и оно все купеческое общество желание имеют меня иметь в городе у себя, а я избегаю Лебединских присутствующих сообществ”.

Заключение. В 1962 г. доктор исторических наук Мкртич Гегамович Нерсисян (1910–1999) опубликовал (см. Рис. 9) работу [5], которая состоит почти только из одних архивных документов.

В своих очень коротких комментариях М.Г. Нерсисян пишет:

следует отметить, что в некоторых материалах проводится мысль, будто причиной крестьянских волнений в Памбак–Шорагельской дистанции явились “вредные внушения” и действия отдельных “неблагонамеренных” людей из Тифлиса. Между тем фактический материал, содержащийся в этих же документах, показывает фальшивость такого утверждения царских чиновников и не оставляет сомнений в том, что крестьянские волнения в Шираке имели социально-экономическую основу.

Образно говоря, имеющий глаза, да увидит, — говорит нам доктор исторических наук М.Г. Нерсисян.

Следуя этому приглашению, автор настоящей статьи внимательно ознакомился с опубликованными М.Г. Нерсисяном архивными документами²⁵ и

²⁵Это может сделать и любой читатель настоящей статьи.

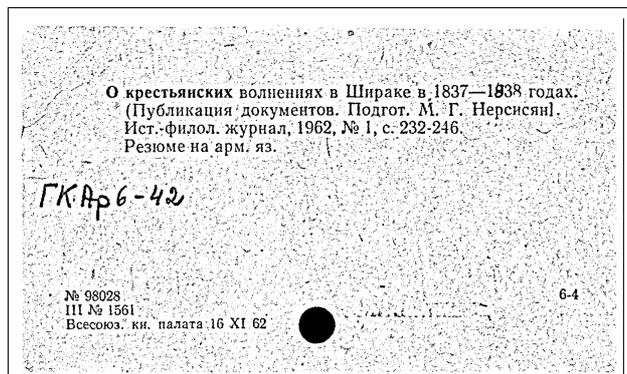

Рис. 9. Нерсисян, М.Г. “О крестьянских волнениях в Шираке в 1837–1838 годах”.

нашел, что фактический материал, содержащийся в этих документах, явно демонстрирует то, что царские чиновники, среди которых Антон Егорович Шлиппенбах²⁶, награжденный, среди прочего, Золотым знаком за Прейсиш-Эйлау, которым всегда так гордились русские офицеры, защищали обывателей от явно криминальных действий ряда лиц, занимавшихся подделкой, вымогательством и злоупотреблением служебным положением²⁷. На взгляд автора настоящей статьи такие лица мало похожи на добросовестное трудовое крестьянство и даже на честных торговцев, а скорее являются — говоря языком позапрошлого столетия — именно “неблагонамеренными” людьми.

Таким образом, знакомство с фактическим материалом — в отличие от только лишь мнения специалиста, даже такого глубокоуважаемого, как доктор исторических наук Мкртич Гегамович Нерсисян — оставляет каждому возможность самостоятельного суждения.

Поэтому автор надеется, что публикация фактического материала, не отягощенная априорными социально-экономическими конструкциями, которая и составляет суть настоящей работы, будет полезна не только профессиональным историкам, но и всем людям, интересующимся фактической историей нашей страны.

Список литературы

- [1] Анищенко, Е.К. (2002) “Евреи Белорусской губернии. Исторический очерк и документы”. Минск: Пейто.
- [2] Гоголь, Н.В. (1951) “Ревизор”. Полное Собрание Сочинений В Четырнадцать Томах. Том 4.
- [3] Дубасов, И.И. (1883) “Очерки из истории Тамбовского края”.
- [4] Малиновский, В.К. (2008) “Бароны Шлиппенбах — офицеры императора Александра I”. Сборник трудов потомков участников Отечественной войны 1812 года. Вып. 2. Москва: Янус-К.
- [5] Нерсисян, М.Г. “О крестьянских волнениях в Шираке в 1837–1838 годах”.
- [6] Рывкин, М. (2003) “Велижское дело в освещении преданий, документов и памятников литературы”. Лехаим.
- [7] Суворов, А.В. (1986) Письма. Москва: Наука.

²⁶ Двоюродный брат упомянутых выше Карла, Льва, Егора, Павла, Николая и Константина (см. [4]).

²⁷ Один из них переводил с армянского на русский язык для этих самых царских чиновников и шантажировал своей близостью к власти ряд армянских торговцев.